

Не кабелем единым

Этот толстый лысый дядька в синем комбинезоне мне сразу не понравился. Не люблю, когда громко орут, изображая из себя невесту что. А дядька орал так, словно ему слон на хвост наступил. Ну, если бы у него был хвост, конечно. Орал он на двух бедолаг в таких же комбинезонах, только комплекцией пожиже. Раза в два. Это если их обоих вместе считать против одного пузатого.

Я Оадамычу сразу сказала:

- Если он так все время орать будет, мамуля опять подумает, что мы с тобой на кота шапочку из кастрюльки привязываем.

Но Оадамыч ничего не ответил. Плюшевым медведям вообще разговаривать не положено. Вот он и молчал. Сразу видно - старая школа!

Пузатый, тем временем, выполнил, видимо, дневную норму по воплям, заметно успокоился и, оставив тощих носителей синих комбинезонов в покое, порысил напрямик к нашему дому. Ну, в добрый путь. Гостям мы с мамулей всегда рады. Тем более, такому представительному мужчине. Глядишь, и папашка наш непутевый какое-нибудь беспокойство ощутит да объявится. Все польза.

Гостя я встретила перед калиткой.

- А что, девочка, - не поздоровкавшись сразу занудил пузан, - отец-то дома?

- А это вам зачем? - говорю. - Уж не ограбить ли нас решили?

Толстяк смерил меня недовольным взглядом, фыркнул не хуже нашей Чалой, и сказал:

- Такая маленькая девочка, а уже такая подозрительная. Мы в ваше «гадюкино» интернет проводим, - он брезгливо осмотрелся, словно в первый раз увидел серые домишки с большими огородами, обнесенными красиво покосившимися заборами из редких штакетин, пробурчал себе под нос что-то вроде «кому в этой дыре нужен интернет», и уже громко закончил: - Вот у тебя, к примеру, есть компьютер?

Я немного обиделась на него за «гадюкино», но виду не подала.

- Нету, - говорю, - у меня никакого компьютера. Это баловство городские придумали, чтобы не работать.

- Ну, я так и думал, - разочарованно сказал пузатый. - А телевизор-то хоть есть?

- Без надобности нам это все, - отрезала я. - У нас с мамулей и так все прекрасно. Так что вам надо от моего папашки?

- Ты тут давай не это, - строго сказал пузан. - Такая маленькая, а уже с вопросами. Зови отца. У меня к нему коммерческое предложение.

- Вы б поосторожнее, - говорю, - с такими разговорами. У нас в деревне мужики по-старинке живут. Не понимают городских глупостей. Могут за такое, не особо разбираясь, и лопатой отоварить.

Пузан сделался красного цвета, что-то замычал, надулся, и я даже испугалась, что он сейчас лопнет как резиновый шарик. Но в этот момент на крыльцо вышла мамуля. Слышала, конечно, все с самого начала. Но выжидала, чтобы послушать, чего пузатый ребенку скажет. Осторожная она у меня. Рука-то у нее больно тяжелая — вот и держит думку перед тем, как дело делать.

- Чего надо? - вежливо спросила она у пузатого, окидывая его взглядом, от которого бывало и вороны с неба падали.

- Здравствуйте, хозяйushка! - моментально поменялся в лице пузан, расплываясь в слащавой улыбке. - Не вели казнить, вели слово молвить!

Мамуля посмотрела на меня. «Что это за клоун?» - читалось в ее хмуром взгляде.

Я пожала плечами и посмотрела на Оадамыча. Медведь показушно-равнодушно смотрел в сторону. Хитрюга.

- Я понимаю, что интернет вам не очень интересен, - верно истолковав молчание мамули затараторил пузатый, - но мы можем предложить вам гораздо больше услуг.

Он таинственно замолчал, став похожим на фокусника из дешевого цирка-шапито, что приезжал в райцентр два раза в год.

Мамуля тем временем заметила нашивку на комбинезоне пузатого и прочитала вслух:

- Годзилла-телеком.

- Именно так! - торжественно сказал пузан.

- Погодите, - сказала с удивлением мамуля, - так это вы только сейчас к нам приехали телефоны ставить? А мы вас еще лет пятнадцать назад ждали.

- Ну, понимаете, суровые годы, - заюлил пузатый, - это все было нерентабельно, да и что с вас тут толку: все равно никому не звоните.

- А сейчас, значит, есть толк? - вкрадчиво спросила мамуля.

Зная мамулю, на месте пузатого я бы уже неслась вприпрыжку по улице, мечтая лишь добраться поскорее до соседней деревни.

- Сейчас — другое дело! - торжественно сказал пузан. - Годзилла-телеком несет плоды современной цивилизации в каждый отечественный дом!

- Опять, значит, государство денег отвалило, - неожиданно усмехаясь, сказала мамуля. - Только напрасно вы все это затеяли. Никто тут ваших услуг покупать не станет.

- А куда вы денетесь? - с апломбом спросил пузатый. - Вон тот кабель видите? В нем сейчас соль жизни. Это не только телефон, это еще и телевидение высокой четкости, и доступ в глобальную сеть... Наша компания принесла вам абсолютно все блага современной цивилизации! Я понимаю, что людям... от земли, трудно понять и оценить сразу, но уверяю, что даже небольшая демонстрация целиком изменит ваше представление...

Я даже головой замотала чтобы вытрясти весь этот словесный мусор из головы.

- Нам ничего не надо, - равнодушно пожала плечами мамуля. - А телефон в деревне и так есть. Еще вон с каких времен. Возле сельмага стоит. И не нужен ему никакой такой отдельный кабель. Две копейки только надо.

- Вы не понимаете. Вся жизнь ведь только в городе начинается! А с помощью этого кабеля вы станете к городу намного ближе!

- Это вы не понимаете, - сказала мамуля. - Раньше надо было приезжать. Лет на двадцать.

- Я в своих силах уверен, - гордо сказал пузатый. - Я в Бимегафантомтесе два года услуги продавал!

- Уезжайте по-хорошему, - сказал мамуля. - Пока еще есть возможность. Нашей деревне неприятности не нужны.

- Клянусь, - шутливо-торжественно сказал пузан, поднимая правую руку к небу, а левую прижимая к груди, - что не уеду из этого славного населенного пункта, пока хотя бы половина его жителей не подключится к услугам Годзилла-телком.

В совершенно ясном небе вдруг гроыхнуло, словно перед грозой. Пузан растерянно завертел головой.

- Ох и дурак, - покачала головой мамуля, махнула рукой и ушла в дом.

А я показала пузатому язык и побежала смотреть смешные секретики, которые мы неделю назад придумали вместе с Оадамычем.

Весь следующий день пузан со своими доходягами бродил по деревне, печально разглядывая полусгнившие столбы. А еще через день на улицах появились новенькие смешные тракторы с кучей ручек и ножек, как в круглых мультиках. Мы и оглянуться не успели, как сквозь деревню, как солдаты на параде, выстроились бесконечной шеренгой новенькие столбы, с натянутыми нитками черных проводов. Шеренга приходила откуда-то издалека и уходила в такую же бесконечную даль.

Все случилось так быстро, что никто толком и понять ничего не успел. Еще вчера по грязной деревенской улице ходили только утки, куры и поросята, а уже сегодня вдоль частокола новеньких столбов гордо вышагивал пузан из Годзилла-телекома, облаченный в торжественный костюм с галстуком, кожаную кепку и высокие резиновые сапоги.

- Прямо вылитый прядсядатель колхоза, - умилялись бабки на лавочке у сельмага.

Деревенские охотно общались с пузаном, однако на все его уговоры лишь улыбались и качали головами: никому ничего и даром было не нужно, а уж за деньги...

Но пузатый не собирался сдаваться. Он обклеил все столбы и заборы листовками, в которых приглашал жителей на большой праздник, в честь открытия какой-то «магистрали». Что такое «магистраль» и кто ее до этого закрыл, я так и не поняла. Кое-кто пошел, конечно, ведь обещали много подарков. Но деревенская площадь для общего схода выглядела пустовато: сенокос да и рыбалка в самом разгаре. Не до подарков.

Глядя на три десятка старух да малых детей пузатый заметно расстроился, но задора не потерял. Сказал странную речь, из которой никто ничего почти не понял, и наконец, перешел к раздаче подарков (рассказ написан для pad.ru). Большое мутное зеркало с каким-то аж «дитиви», малюсенькие «планшеты», на которые ни один лист бумаги не поместится, смрадфоны непонятные, кукурузеры какие-то... Народ посмотрел, помялся да и разошелся в полном недоумении. Только я осталась досмотреть, чем дело закончиться.

Пузатый выглядел несчастным.

- Тебе чего, девочка? - сказал он, зыряка на меня неприятным взглядом. - Иди играй со своей куколкой. Не мешай дяде работать.

- Это не куколка, - сказала я, хмуро разглядывая потную лысину толстяка, покрытую тонким пухом остатков волос. - Это медведь Оадамыч.

- О! Агдамыч! - почему-то развеселился пузан. - А я наоборот — Петрович. И дяде Петровичу теперь нужно вытащить свой смартфон и позвонить другому дяде, очень важному и очень сердитому. Так что, забирай своего агдамыча и вали домой, к мамке.

Оадамыч пристально смотрел на пузана, но ничего не говорил. Не положено плюшевому. А вот я - обиделась.

Поэтому, когда пузатый вытащил из кармана огромную рацию и принялся кому-то названивать, я подняла с земли спичечный коробок и нашептала волшебные слова, которые делают колючее и ползучее. И почти сразу услышала, разговор пузатого с каким-то важнющим дядькой. Дядька был недоволен, что пузатый не продает услуги и какой-то «арпук» у него не растет. Я даже пожалела его на минуточку: сам такой большой, а вот арпук у него — совсем маленький, оказывается.

А пузатый оправдывался, что, мол, в этом «гадюкино» одни старики, малолетки да тупые бабы, которым в жизни ничего не надо, кроме бурьяна и свиней. Вот тут я и не выдержала.

- Знаете, - говорю в свой волшебный коробочек, - это очень невежливо называть нашу Ужовку каким-то там «гадюкино». До вашего приезда никаких свиней у нас отрадаться не было — одни поросята да опороски. А услуги ваши никому не нужны потому, что у нас и так все есть.

- Кто это? - взвизгнул в коробочке важнющий дядька. - Девочка, как ты сумела проникнуть в наш закрытый канал связи?

- Говорите ерунду какую-то, - сказала я, глядя на пузана, который стоял со своим «смрадфоном» шагах в двадцати от меня, на краю глубокой грязной лужи. - Ни в какие каналы я не проникала. Это Петрович ваш сейчас сделает еще пару шагов и проникнет в сточную канаву.

- Девочка..., - хрипло сказал Петрович, поворачиваясь в мою сторону всем телом и крепко-накрепко прижимая свой «смрадфон» к уху. - Это ты с нами говоришь?!

Тут важнющий дядька совсем разверещался, принялся ругать пузатого и я решила, что с него достаточно. Выбросила коробок и ушла через огород бабки Лукерьи на речку. Просто мне на руку записочка пришла, что там как раз ребята со второй улицы марену в прибрежном пруду развели и дивную круглую мультяшку начудачили — вся детвора с Ужовки сразу туда потянулась.

Когда я возвращалась домой, услышала какой-то грохот и плаксивые вопли пузатого. А чуть позже — знакомый гул медной сковороды.

- Что ж вы деретесь?! - орал пузатый, выбегая из нашего дома на улицу. - Я же только спросить хотел: как она это сделала?!

- Пришлют из «годзиллы» алкоголиков! - рявкнула мамуля так, что по всей деревне куры немедленно снесли по яйцу. - А потом удивляются, что услуги не проданы, зато сказки одна другой интереснее!

- У меня свидетель есть! - торжествующе заорал пузан. - Мой начальник тоже слышал девчонку!

Над забором мелькнуло полено, пузан шарахнулся в сторону и, не дожидаясь повторного залпа, порысил вдоль улицы прямо мне навстречу. Вид при этом у него был, прямо скажем, неважнецкий.

Увидев меня, пузан торжествующе взревел и кинулся в мою сторону. Я уже было решила, что веселье

нам с Оадамычем гарантировано и весело бросилась бежать от него по улице, но тут он запнулся о кусок кабеля, непонятно как оказавшийся торчащим прямо из дороги, и растянулся неподвижно в грязи. Я хотела подойти и посмотреть — не ушибся ли он, но в это время пузан полез в карман, вытащил свой «смадфон» и начал кричать, что сейчас он позвонит в какие следует органы и нам всем тут сильно не поздоровится.

И вот тут мы с Оадамычем струхнули. Папашка много раз говорил, что с «органами» лучше не связываться, если хотим и дальше жить спокойно и счастливо. Поэтому, пока Петрович тыкал грязным пальцем в свой «смадфон», Оадамыч быстро пригляделся как следует и подсказал мне, что можно сделать. Я по-особому махнула руками и через несколько секунд пузан расстроено сказал:

- Вот, блин. Не берет. Сколько дней ходил — все нормально было. Ну ничего, я сейчас отойду немного в сторону и решу вопрос окончательно и сразу. Все выясним, всех на чистую воду выведем.

Я испугалась, что Петрович хочет нас марены лишить с мультиками да и махнула рукой чуть сильнее, чем хотела. Из «смадфона» повалил дым, пузан в испуге бросил его в грязь, на всю улицу резко запахло паленой изоляцией.

- Как же я теперь отсюда выберусь?! - в испуге завопил пузан. - Я ж позвонить должен, чтоб меня забрали!

Я хотела было ему напомнить про клятву, но потом подумала, что в таком состоянии он все равно ничего не вспомнит.

Вышедшие поглазеть на шум люди, посмеивались и расходились по домам. Мы с Оадамычем осторожно обошли сидящее в грязи тело и побежали к мамуле, все это время стоявшей возле калитки с медной сковородой наготове.

За следующие три дня Петрович сильно сдал. Он бродил по деревне, жалобно клянча двухкопеечную монетку, чтоб позвонить с того телефона, который до сих пор стоял у сельмага. Но таких монеток ни у кого давно не было. А помогать звонить, как все нормальные люди звонят, ему никто не хотел — все слышали, как он обещал наядедничать в какие следует органы.

Пытался он и просто пешком уйти, но вернулся вечером того же дня, бледный и поцарапанный. Нес какую-то околесицу про кабель, лезущий из-под земли и хватающий за ноги. Когда он все это начал рассказывать, все начали над ним смеяться.

Петрович сам был виноват, что ему никто не верил. Не надо было на второй день всем подряд объяснять, что я сделала что-то невозможное — влезла в «фаршированный» секретный разговор. Хотя чего тут невозможного? У нас в Ужовке, такое кто хочешь может. Невежливо, конечно, но я же еще маленькая, мне простительно.

Еще он жаловался, что за ним никто не приедет, пока он не позвонит, поскольку важнющий дядька дал ему сколько угодно времени, но чтобы половина домов у нас была подключена к новенькому черному кабелю. И раз Петрович не звонит, значит, он еще не выполнил планы и забирать его не надо.

А еще он таскался за мной, опасливо держась на приличном расстоянии, но не отставая и выкрикивая периодически какую-то чепуху. Большинство слов были совсем чудные, что легче язык сломать, чем такое выговорить, но некоторые, самые смешные, я запомнила, чтобы назвать котятков. Так у нас появились Сниффер, Дешифратор и Сканер.

Наконец, пузан мне так надоел, что однажды я остановилась прямо посреди улицы, и сказала:

- Хорошо, Петрович, я помогу тебе позвонить твоему важнучему дядьке. Но обещай, что ни в какие «органы» потом ябедничать не пойдешь.

- Клянусь! - завопил Петрович и от избытка чувств даже упал на колени.

- Вот зря ты все время клянешься, - сказала я ему наставительно. - Уже забыл, чем твоя прежняя клятва обернулась?

Как у него работал «смадфон» я не очень понимала, но дорожку, по которой бежали слова, запомнила хорошо. Пошептала на камень у дороги, как все наши делают, чтобы поговорить, да и сплела его с той самой дорожкой. Когда же над камнем появилось объемное изображение худого и кажется очень сердитого человека в красивых очках, чем-то похожего на Кашея из мультиков, Петрович слабо вскрикнул и замахал руками, словно увидел привидение.

Кашей Петровича не видел, разговаривая с ним через свой «смадфон». Зато Петрович, хоть сперва и «зависнув» на несколько секунд, сориентировался почти моментально. И даже, по-моему, попытался во время разговора прочесть какие-то бумаги на столе у Кашея.

Из вежливости я не стала подслушивать, о чем они там говорили — нашла большую лужу, навела в ней марену, набрала с неба ниток с мультиками и красивыми картинками, да и уселась смотреть, чтоб не скучно было, пока взрослые наговорятся всласть.

Я оказалась права. Прошло довольно много времени, прежде чем сзади послышалось деликатное покашливание, а потом Петрович грустно сказал:

- Можно было даже не пытаться. Пока здесь народ не подключу к нашим услугам, никто меня отсюда забирать не станет. А у вас, как вижу, и так все хорошо. Не нужны вам наши услуги. Хоть и не укладывается в голове. Вместо телефона — любой камешек. Вместо телевизора — любая лужа. Невероятно!

- Что же тут невероятного? - удивилась я. - У нас все так могут.

И тут Петровича понесло. Не отрываясь от моих мультиков в марене лужи, он принялся быстро выговаривать какие-то слова, каких я отродясь не слыхала.

- Не знаю я никаких «апи» и «вопи», - сказала я ему, когда он выдохся. - А пакеты у нас в дефиците, это ты верно подметил. Мамуля в город как поедет — сразу покупает штук пятьдесят. Вот там-то, в городе, она с папашкой и познакомилась.

Я очень любила эту прекрасную историю и сразу принялась рассказывать ее Петровичу. Он уселся рядом и слушал на удивление внимательно, совсем не так, как обычно слушают взрослые.

- Так значит, мамка твоя деревенская ведьма? - спросил он с интересом, когда я почти закончила.

- Ведунья, - поправила я его.

- А папашка твой — это как «домовой», но только «кабельный»?

- Ну да. Я же сказала, что наш прежний домовой совсем старый был и в лес ушел помирать. Вот мамуля и решила поискать нового домового, но чтобы про телефоны все знал и мог помочь в деревне связь наладить. А потом у них любовь приключилась, какой и в сказке не описать.

- Понятно, - странным голосом сказал Петрович. Вид у него при этом был такой, словно он сходит с ума.

- Мамуля и папашка всю деревню научили волшебные слова говорить, - с гордостью сказала я.

- Лямбда! - строго сказала мамуля, появляясь словно из ниоткуда. Умеет она такие фокусы проворачивать, когда сильно сердится. - Опять ты приезжим свои сказки рассказываешь? А ну, марш домой.

- Ну, мама, - закончила я, в ожидании нагоняя. Много раз не велела мамуля про папашку никому постороннему объяснять.

- Вы не беспокойтесь, - поднялся Петрович. - Я не собираюсь никому и ничего рассказывать. Но если вы не хотите, чтобы вашей Ужовкой заинтересовались всерьез, лучше бы все-таки принять услуги Годзилла-телеком. Я-то что, человек маленький, из-за меня или моих историй, подозрений не будет. А вот тот факт, что в удаленном районе никто не подключается к новейшей волоконно-оптической магистрали, вызовет массу вопросов. Сюда поедут комиссии. Вам оно надо?

- Что вы предлагаете? - сразу уловила, в какую сторону гнет Петрович, мамуля.

- Мне нужен дом для проживания — я видел несколько заброшенных на отшибе, - сказал Петрович. - Взамен, я обещаю оформить все документы и заплатить необходимые средства, чтобы имитировать массовые подключения местных жителей. На год-другой проблема решится, а потом вы снова станете никому не интересны. Извините за прямоту, но это правда.

- А я знаю, - усмехнулась мамуля. - Все знают. И как видите, научились обходиться своими силами. Дом, где никто не живет, выбирайте любой, не жалко. Только зачем он вам, если вы по факту исполните свою клятву и сможете уехать?

- Да что там делать, в этом городе? - печально сказал Петрович. - Вся жизнь только здесь ведь начинается. Но у меня есть еще одна просьба.

Мы с мамулей вопросительно посмотрели на него. И даже Оадамыч не удержался и повернул свою плюшевую голову.

- Научите и меня говорить волшебные слова.

